
Г.Д. Гловели

ИСТОРИЗМ
В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: РЕЦЕПЦИИ И НОВАЦИИ

Москва
Институт экономики
2014

Гловели Г.Д. Историзм в российской политической экономике: рецепции и новации. – М: Институт экономики РАН, 2014. – 56 с.

ISBN 978-5-9940-0496-8

В докладе дана сводная характеристика историзма в российской политэкономии досоветского периода в связи с обоснованием «среднего пути» в экономике. Подчеркнут вклад российских экономистов в дискуссии о сходстве либо различии российского и западного пути развития и в концепции стадий экономической эволюции. Освещена рецепция российской политэкономией идей трех поколений германской исторической школы. Показаны новаторские интерпретации историзма представителями русского эксмарксизма и русской аграрноэволюционной школы.

Ключевые слова: экономическая компаративистика; историческая школа в политэкономии; формативные мотивы экономического мышления, отличительные черты и стадии сельскохозяйственного и промышленного развития России; мануфактурный период; интенсивные аграрные технологии; фазы русской колонизации.

Классификация JEL: B150, B140, B190.

Gloveli G.D. Receptions and innovations of historism in russian political economy. – (Research report). Moscow, RAS Institute of Economy, 2014. – 56 p.

ISBN 978-5-9940-0496-8

The paper contains the generalized characteristics of the historism of Russian political economy before the Soviet period in a connection with basing of a «middle path» of economy. The author emphasizes the contribution of Russian economists in the discussion about the similarities and differences between Russian and Western development path and in fathic conceptions of economic evolution. The paper highlights the reception of Russian political economy ideas of three generations of the German historical school: the Older, Younger and The Youngest German Historical School. It shows the innovative interpretations of the historicism in Russian Ex-Marxism and agro-evolutionary school.

Keywords: comparative economics, Historical School of political economy, formative motives of economic thinking, distinguishing features and stages of Russian agricultural and industrial evolution, manufacturing period, types of capitalism, phases of Russian colonization, intensive agricultural technologies.

JEL Classification: B150, B140, B190.

© Институт экономики РАН, 2014
© Гловели Г.Д., 2014
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. А.К. Корсак и зачин исторического направления в российской политэкономии	10
Глава II. Российская рецепция принципов «молодой» исторической школы и социал-политики	15
Глава III. Полемика о стадиях и типах капитализма	19
Глава IV. Ех-марксистский историзм в российской политэкономии: расходящиеся версии	25
Глава V. И.М. Кулишер: сравнение стадий промышленной эволюции стран Запада и России	37
Глава VI. Н.П. Огановский: сравнение стадий аграрной эволюции стран Запада и России	42
Литература	53

ВВЕДЕНИЕ

Суть принципа историзма в самом общем виде заключается в идее **развития** во всех областях научного знания, и в особенности в гуманитарных науках. Как показывает историография, осознание истины, что ни сам человек и его мышление, ни общественные институты не могут быть поняты вне связи, во-первых, с обстоятельствами места и времени их функционирования и развития, во-вторых, с историей их происхождения, окончательно произошло к середине XIX в. (Барг, с. 3). Тогда из философии выделилось и понятие *социологии* как особой науки об обществе и его отдельных институтах. И к этому же времени относятся следующие важнейшие события и процессы в судьбе таких значимых для общества институтов, как системы **экономической политики** и **университетского образования** и теснейшим образом связанной с ними экономической науки:

1) полная победа в Англии, явной стране-лидере экономического роста («мастерской мира») среди великих держав, принципа **свободы торговли** (манчестерства) в экономической политике, что положило начало общеевропейской эре фритредерства (Самерон 1997, р. 298–300);

2) оформление представлений о дисциплинарной структуре науки как *научения* и как *исследования* в лоне университетов; с акцентами на учебных методах изложения и процедурах передачи знания и на правилах письменной фиксации научных достижений в специальной литературе (Огурцов 1990, с. 216);

3) приведение в систему **классической политической экономии** (Дж. Ст. Милль, «Принципы политической экономии», 1848), ее использование и восприятие как обоснование принципа невмешательства и *развертывание ее критики* с позиций отстаивания интересов стран запоздалой индустриализации (Ф. Лист, «Национальная система политической экономии», 1841), или обездоленных классов сложившегося индустриально-капиталистического общества (Ф. Энгельс, «Наброски к критике политической экономии», 1844; К. Маркс, «К критике политической экономии», 1859).

Классическая политическая экономия (в дальнейшем – КПЭ) выводила свои законы и категории как **универсальные** («естественные»), основанные на предпосылке о создании и накоплении богатств частными, мотивированными индивидуальным стремлением к материальной выгоде, хозяйствами и абстрагировании от обстоятельств места и времени. Это **внеисторическое понимание** предмета и метода политической экономии и было подвергнуто критике сначала *неуниверситетскими экономистами* (Ф. Лист, с одной стороны; социалисты вплоть до К. Маркса, с другой), а затем университетскими немецкими **историческими школами** в политэкономии – «старой» (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс) и «молодой» (с Г. Шмоллером во главе).

Главными объектами критики стали следующие атрибуты классической школы:

- «космополитизм» (определение Листа) – безразличие к национально-государственным интересам;
- «перпетуализм» (определение К. Книса) – предпосылка о неизменности экономических категорий во времени и постоянстве «нормальной» формы народнохозяйственной организации, достигающей высшего выражения в свободной конкуренции;
- методологический индивидуализм и абстрагирование от связи экономики с другими сторонами общественного процесса.

Соответственно, **принцип историзма** как противоположение этой методологической атрибутике классической школы подразумевал:

- национальную вариативность экономической политики и растождествление политики невмешательства с «естественным состоянием» (обосновано Листом в переоценке меркантилизма и учении о «воспитательном» протекционизме, затем программой «Союза социальной политики»);
- исторический, обусловленный временем, характер экономических категорий (доведено Книсом до отрицания экономических законов вообще, а Марксом – до классового подхода);
- выяснение связи хозяйственных мотивов с национальным этосом и правом у экономистов «молодой» исторической школы; марксистское историко-материалистическое выведение «надстройки» из «базиса»; принципиальное значение категории «производительные силы».

Наконец, и то, и другое направления довели принцип историзма до идеи **стадиального развития**, которая под влиянием распространившегося **эволюционизма** как в естественных (геология, биология), так и в общественных (социология, этнография, юриспруденция) науках, приобрела различные формулировки *последовательных стадий хозяйственной эволюции*. Первую такую, довольно примитивную, формулировку дал Ф. Лист, предложив ряд охотничьей, пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и земледельческо-мануфактурно-коммерческой стадий; Б. Гильдебранд ввел ряд натуральное – меновое (денежное) – кредитное хозяйство; К. Маркс, развивая учение сен-симонистов о стадиях эксплуатации человека человеком, – формационный ряд (заметим, что именно в предисловии к работе «К критике политической экономии») и ряд «подчинения труда капиталу» (простая кооперация – мануфактура – фабрика; 1-й т. «Капитала», 1867); Ф. Энгельс – положение о политической экономии различных способов производства («Анти-Дюринг», 1878).

Но при всех существенных «классовых» отличиях «буржуазного» исторического направления от марксизма и их обоих от классической школы, общей для всех трех (за отдельными исключениями), была уверенность в преимуществах **крупного**

производства — *коммерческого лендлордизма и капиталистического фермерства* в сельском хозяйстве, машинного производства в промышленности. На крупные предприятия германских землевладельцев (юнкеров и грессбауэров) ориентировалась и **сельскохозяйственная экономия** (в дальнейшем — СХЭ), со времен основателя агрономии А. Тэера выделившаяся из камеральных наук и установившая различие между **экстенсивным** и **интенсивным** земледелием и исторический ряд систем (полеводства): архаичные подсеčno-переложные — экстенсивное феодальное трехполье — интенсивное многополье (травосеяние и плодосмен). Между тем в Европе историк С. де Сисмонди, первым сделавший предметом политэкономического осмысления кризисы крупного промышленного перепроизводства, откололся от классической школы, выступив с пропагандой *устойчивости хозяйства, основанного на мелком землевладении*. А первый русский революционер А.Н. Радищев оставил в наследство русским экономистам размышления о мелкой сельской домашней промышленности, доставляющей крестьянам-кустарям «довольственное житие».

Очерченный круг политэкономических противоположностей пополнился с «открытием» прусским бароном-визитером А. фон Гакстаузенем и московскими философами-славянофилами сельской поземельной общины как особенного института русского хозяйства, на котором якобы можно основать иной путь промышленного развития, чем западноевропейский с его «эгоизмом собственности», «язвой пролетарства» и революционными потрясениями. Полемика славянофилов с западниками началась тогда, когда в интеллектуальные круги России проникали экономические идеи из Европы в двух основных видах: в виде трактатов «эклектических экономистов» [Бланки, с. 152–153] и в виде утопических и революционных идей социалистов. Двумя известными курсами «эклектической политической экономии» были изданный по-французски в Петербурге учебник А.К. Шторха (1815), прибалтийского немца-смитианца и первого русского академика-политэконома, и «Опыт о народном богатстве» (1847) камер-юнкера А.И. Бутовского, эпигона первых западных профессоров политэкономии — Сэя (и его французской школы) и Мальтуса. Не вдаваясь здесь в подробную оценку обоих курсов, отметим две их общие черты: небрежение проблемой

кустарных промыслов, сводимой к «невежеству и искаженному понятию о выгодах» в русском крестьянстве, не осознающем, подобно А. Смиту, преимуществ разделения труда; наличие в эклектизме *элементов историзма*. Шторх, критикуя крепостное право (почему его курс и не был издан по-русски) и безоговорочно соглашаясь с А. Смитом в критике меркантилизма, выделил три исторические ступени рабства в экономике: рабство как таковое, крепостное право и торгово-промышленные монополии. Бутовский, чье сочинение было отпечатано в типографии Е.И.В. канцелярии, крепостное право критиковал не смел, зато остро критиковал западные идеи социализма и коммунизма. Присоединяясь к космополитизму Сэя в трактовке экономических законов, Бутовский тем не менее вслед за итало-французским географом и этнографом Адриано Бальби (1782–1848) указывал на исторически различные хозяйственные состояния (охотничье, скотоводческое, земледельческое, торговое) и многократное уплотнение населения при переходе от одного состояния к другому.

Полемика славянофилов с западниками, начавшаяся при крепостном праве в «изумительный период внешнего политического рабства и внутреннего освобождения» (по словам А. Герцена), продолжилась в эпоху раскрепощения, которая стала и новым этапом в российской рецепции западной политэкономии. Эта рецепция по многим причинам предрасполагала к историзму. В европейской науке широко распространились принципы эволюционизма; русские политэкономы нового поколения («шестидесятники») направлялись на стажировки преимущественно в Германию, где появились «старая», а затем и «молодая» исторические школы; русский язык стал первым, на который был переведен «Капитал» Маркса с языка оригинала (русское издание 1-го тома в 1872 г.). Русские политэкономы хотели быть на уровне европейских интеллектуальных стандартов; но они понимали разительные отличия между западными корнями классической политэкономии и обстоятельствами русской крепостнической и пореформенной истории. Имели они представление и о «темных сторонах», социальных конфликтах европейской индустриализации. Поэтому столь пристальным было внимание к западным концепциям, предлагавшим стадийные схемы поступательного экономического развития.

Эти концепции воспринимались сквозь призму исследований русского **хозяйственного быта** в его историческом прошлом и противоречивом настоящем. Как известно, К. Маркс в построении своих стадийных схем опирался на философию истории Гегеля и сен-симонизма, а также на принцип классовой борьбы, прослеженной французскими историками эпохи Реставрации. Г. Шмоллер, формулируя общие задачи **исторического направления в политэкономии**, воздавал хвалу германской исторической науке как достигшей в XIX в. наибольшей высоты развития, а немецкую молодую историческую школу (в дальнейшем – НМИШ) нацеливал прежде всего на работу над **историко-хозяйственными монографиями**.

Русские прообразы такого рода монографий начали появляться еще до формирования НМИШ и на фоне ежегодного выхода один за другим (с 1851) томов монументальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева: «Крестьяне на Руси» (1860) И.Д. Беляева, «Очерки истории торговли Московского государства» (1862) Н.И. Костомарова, «Историко-географическое распределение русского народонаселения» (1864) А.П. Шапова, «Промышленность Древней Руси» (1866) Н.Я. Аристова и т.д. Но первой русской историко-хозяйственной монографией в политэкономическом смысле стало исследование А.К. Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России» (1861). Написанное под воздействием немецкой старой исторической школы (в дальнейшем – НСИШ), оно фактически положило начало отечественной экономической компаративистике.

А.К. КОРСАК И ЗАЧИН ИСТОРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Репутацию первого «выразителя», или «глашатая», идей исторической школы политэкономии в России снискал И.К. Бабст – видная фигура общественности и делового мира эпохи «Великих реформ» в России; профессор политэкономии Казанского (1852–1856) и затем Московского (1857–1874) университетов. Он прославился призывом к усвоению «здоровых понятий» западной экономической науки и информировал российскую публику в новом толстом ежемесячнике «Русский вестник» о новом историческом методе в политэкономии (1856), а затем редактировал русский перевод (1860) 1-го тома «Системы народного хозяйства» В. Рошера – главного трактата НСИШ. Но Бабст был не оригинальным исследователем, а типичным «эклектическим экономистом» и еще более публицистом, вхожим в деловые и придворные круги. Тем не менее его роль в *рецепции* идей немецкой исторической школы в России нельзя не отметить, причем двояким образом.

1. Прямыми университетскими учениками И.К. Бабста были А.К. Корсак – создатель первой русской историко-хозяйственной монографии – и затем А.И. Чупров и И.И. Янжул – самые значительные фигуры в рецепции идей НМИШ, которые усвоили от своего учителя постановку задачи выяснения видоизменений общих хозяйственных законов в зависимости от условий места и времени.

2. Бабст, в отличие от представителей НСИШ Рошера и Гильдебранда, оставшихся приверженцами принципа невмешательства, сразу четко сформулировал позицию, воспринятую его уче-

никами и занятую впоследствии НМИШ во главе с Г. Шмоллером: исторический метод — это основа средней линии между крайностями экономического либерализма и революционного социализма. Бабст отверг как отказ Рощера от решения проблемы бедных классов, так и «путь революций и переворотов» в решении этой проблемы, высказавшись за реформистский «мирный путь положительного законодательства».

«Среднюю линию» в политэкономии русские сторонники исторического метода связывали не только с правительственным вмешательством сверху, но и с формами экономической («артельной») самодеятельности снизу. Отсюда — пристальный интерес к социальному экспериментированию и экономическому прожектёрству на Западе (производственные кооперативы, потребительские ассоциации, ссудосберегательные товарищества, социалистические общины и т.д.). Этот интерес наложил отпечаток на сравнительно-историческое исследование А. Корсаком своеобразия русской промышленности. На ученика Бабста, помимо Рощера, оказали влияние такие германские экономисты, как основатель кредитной кооперации Ф. Шульце-Делич (1808—1883) и социалист-утопист Марло (К.-Г. Винкельблех, 1810—1865); у последнего¹ Корсак заимствовал понятие **«индустриальная революция»**. Корсак не только ввел это понятие в русскую экономическую литературу, но и дал систематическую характеристику *фабричной индустрии* как логической и исторической ступени капиталистической промышленности; показал ее преимущества вследствие *эффекта масштаба* (производство, сбыт, кредит); провел (упредив 1-й том «Капитала» Маркса) четкое различие между ней и *мануфактурой*².

В связной картине Корсак оттенил все стороны промышленного переворота на Западе:

- технико-инновационную — внедрение достижений *механики* и *химии*; соединение *многих* рабочих, взрос-

-
1. Снискавшего некоторую посмертную известность позже, после выхода книги А. Шеффле «Капитализм и социализм» (1870).
  2. В русском обиходном языке понятия «мануфактура» и «фабрика», пришедшие в него одновременно при Петре (Смирнов 1910), отождествлялись как названия крупных предприятий в обрабатывающей промышленности, где огонь не играет первенствующей роли (в противоположность «заводу»).

лых и малолетних, вокруг *единой* системы механизмов, приводимых в действие центральной двигательной силой;

- рыночно-инновационную – предпринимательство, основанное на расширении кредита; соединение благодаря наемному труду качества изделий с их дешевизной;
- социально-экономическую (урбанизация и пауперизм) – насильственный характер массового обезземеливания и темные стороны быта скученной в городах «бескапитальной массы», воспроизводство многочисленного «класса беспомощных людей, который мы называем пролетариатом».

Наконец, Корсак, опираясь на главу IV книги III «Богатства народов» А. Смита, определил последовательность форм промышленности, предшествовавших на Западе крупному фабричному производству:

- привилегированное цеховое ремесло, укрытое за стенами городов, создавшее традицию *специализированного* корпоративного мастерства, гарантировавшее качественную продукцию по монопольным ценам;
- первые *мануфактуры*, возникшие в странах с географически удобным местоположением для привоза заграничного сырья и выгодного экспорта (Италия и Нидерланды) и ориентированные на отдаленный международный массовый сбыт предметов роскоши (прежде всего – тонких сукон и шелков);
- «изысканная промышленность» дорогих изделий под покровительством монархов (особенно во Франции и германских княжествах);
- домашняя система производства наиболее употребляемых изделий из местных материалов, обеспечившая *недорогие* изделия в силу того, что домашняя выработка по заказу скупщиков-предпринимателей была побочным трудом земледельцев.

Эту систему вытеснила фабрика, соединившая качество изделий с их дешевизной и массовым сбытом, – но полностью только в Англии. Тогда как в России, напротив, товары, производимые

в городах фабричным способом, не покрывают народных потребностей и часто не выдерживают ценовой конкуренции с дешевыми, хотя и «немногосложными» (невысокого качества) изделиями, производимыми в сельских избах **кустарями**. Значит ли это, что сельская домашняя (кустарная) промышленность, как правило, слитная с земледельческим бытом, является своеобразным хозяйственным укладом России, который позволит ей избежать «язвы пролетариата»?

Корсак приходил к выводу, что нет, что распространенность русской кустарной промышленности — результат экономической отсталости страны. Но, с одной стороны, он проследил укорененность этой отсталости в истории и *географии* России. С другой стороны, считая «всепоглощающее могущество» фабричной системы нежелательным и социально ущербным, Корсак не оставлял надежды на будущность более благополучного «смешанного» земледельческо-промышленного состояния русских работников.

Отличительные особенности эволюции форм русской промышленности в связи с хозяйственным бытом в целом Корсак характеризовал так.

1. Русское ремесло не оформилось в городское цеховое мастерство, не стало достоянием отдельного класса населения с монопольными правами и привилегиями, поскольку русские города возникали преимущественно из военно-административных соображений и не стали средоточиями богатееущего среднего сословия.

2. Русское ремесло, рассеиваясь среди поселян без плотных союзов и корпоративного совершенствования навыков, ориентировалось не на качество, а на дешевизну несложных изделий, основная часть которых находила только *отдаленный* сбыт, обширный ввиду громадных просторов страны. Поэтому целые деревни, удобно расположенные у больших дорог, становились центрами **оптовых ремесел** (жители одной деревни целиком занимались кузнечным ремеслом, другой — тележным, третьей — ткацким, четвертой — красильным и т.д.).

3. Царская власть, вследствие недостатка ремесленных искусств в массах, исстари сводила мастеров в казенные слободы, привлекала иностранцев для промышленных заведений, пока, наконец, Петр I не захотел разом перенести почти все существовавшие

в его время в Европе отрасли промышленности на русскую неподготовленную почву. Он насаждал мануфактуры и фабрики «несчастливыми мерами» монополий и отягощением крепостного права. Но это насаждение дало стимулы и сельской домашней промышленности, в отдельных случаях благотворно повлиявшей на крестьянское довольство (село Иваново Владимирской губ.).

4. Живучести русской кустарной промышленности способствуют суровые климатические условия холодного и континентального климата. Они — препятствие специализации работников *исключительно* на земледелии, помеха переходу к улучшенным *плодотерменным* системам полеводства, так как сжимают сроки полевых работ. Но тем самым крестьяне, вынужденные искать на полгода и больше дополнительные занятия и источники доходов, посвящают свободное время «рукоделию», от обработки небольшого участка земли, производя кустарную продукцию на внутренний рынок.

5. Создание в России новой формы промышленности, которая подтянула бы сельские промыслы к уровню фабричного производства, возможно при условиях: повышения культурности; кооперативного объединения для оптовой покупки материала и для сбыта произведений; устройства показательных общественных мастерских; обеспечения доступного мелкого кредита; борьбы с паразитическим диктатом посредников-кулаков.

Прижизненная судьба А. Корсака не сложилась: он рано умер, а его трактат не был по достоинству оценен. Корсак поднялся над крайностями славянофильства и западничества; он лишь однажды упомянул о русской общине — чтобы высмеять ее «первооткрывателя» А. фон Гакстаузена, вообразившего, что русские сельские ремесла суть... «ассоциации, которые напоминают собою учение сен-симонистов». Но тем самым книга, вышедшая в год падения крепостного права, осталась вне злободневных напряженных дискуссий об общинном землевладении и не привлекала внимания. Лишь позднее она получила высокую оценку в классическом труде М. Туган-Барановского «Русская фабрика» (1898) и в первых русских систематических университетских курсах экономической истории И. Кулишера и М. Довнар-Запольского.

РОССИЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПРИНЦИПОВ «МОЛОДОЙ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И СОЦИАЛ-ПОЛИТИКИ

На первое десятилетие после отмены крепостного права приходится формирование круга русских экономистов и публицистов, сыгравших ключевую роль в университетском преподавании политэкономии вплоть до начала XX в. и образовании русской школы финансового права. Эти ученые и общественные деятели (связанные личной дружбой) — А.И. Чупров, И.И. Янжул, И.И. Иванюков — по окончании русских университетов продолжили образование в Германии, Англии, США. Как раз во время, с одной стороны, формирования НМИШ и «Союза социальной политики», с другой стороны, начавшихся попыток сужения предмета политической экономии до обменочентричной *economics*. Такое сужение, на котором настаивал вслед за архиепископом Уотли Г. Маклеод, было категорически отвергнуто в магистерской диссертации Иванюкова (1870).

Стажировка Чупрова и Янжула (которых, как запретный плод, привлекал рабочий вопрос) в Лейпцигском университете совпала с Эйзенахским учредительным съездом «Союз социальной политики» под руководством Шмоллера и публикацией в Лейпциге двухтомника Л. Brentano «Профессиональные организации рабочих». Подробности о Шмоллере и Brentano русские узнали из лекций по рабочему вопросу молодого Г. Кнаппа, только что назначенного профессором. Далее Чупров уехал в Вену, где в университете пользовался особенным вниманием знаменитого государствоведа Л. фон Штейна, автора концепции **социального государства**. Разработанное Штейном учение об управлении (*Verwaltungslehre*)

исходило из идеи государства как верховной власти, которая стоит над обществом и над ожесточенной классовой борьбой и стремится поднять уровень обездоленных классов. Янжул отправился в Лондон для работы в Британском музее, вникая в детали английской торговой политики и фабричного законодательства.

Гвоздем исследований Янжула, по его собственным словам, стал вывод, что характер финансовых учреждений и выбор экономической политики в конкретный исторический период определяется борьбой классовых интересов. Акцизы и ограничения свободы торговли были выгодны в Англии политически господствовавшему классу лендлордов. С ростом политического влияния фабрикантов происходило умаление косвенных налогов и таможенных пошлин, мешавших развитию промышленности. Янжул особо подчеркивал роль общественной активности, опирающейся на свободную печать, для улучшения государственных финансов и управления. Однако Янжул, отметил, во-первых, что реформирование налогообложения в Англии далеко не привело к пропорциональному распределению налогового бремени; интересы рабочего класса ущемлены. Во-вторых, политика свободной торговли оказалась выгодной для Англии как ведущей промышленной нации и не может быть возведена в универсальный принцип.

Вернувшись в Россию и быстро защитив одну за другой диссертации, Янжул с конца 1870-х годов в публичных лекциях и статьях выступал за поворот России к таможенному протекционизму (введение покровительственного тарифа) и за правительственный надзор за условиями труда и быта рабочих на фабриках. Янжул нашел соответствие собственным идеям в трудах теоретика «государственного социализма» А. Вагнера, появившихся в Германии в конце 1870-х. А именно: использование налогообложения как орудия социальных реформ; **разделение финансовой истории на два периода**: период чисто фискальный и период социально-политический. Второму периоду соответствует частичное перераспределение народного богатства с введением прогрессивных форм обложения наследств и капитала.

Янжул был приглашен другим почитателем Вагнера, министром финансов Н.Х. Бунге на пост первого фабричного инспектора Московского фабричного округа (1884–1886); после вынужденной

отставки (травля со стороны московских фабрикантов) Янжул вернулся к сотрудничеству с Министерством финансов при Витте. Тот откомандировал профессора на Всемирную выставку в Чикаго (1893), чтобы на материале США выработать рекомендацию царскому правительству по отношению к отраслевым промышленным монополиям, которые стали тогда возникать и в России, где их называли «стачками предпринимателей». Янжул резюмировал свой анализ возникновения американских трестов выводом, что это «новая форма ликвидации старых экономических понятий о свободной конкуренции». Рекомендации Янжула правительству Витте заключались в том, что надо законодательно регулировать и поддерживать тресты и синдикаты как возможное средство предупреждения промышленных кризисов.

Янжул подчеркивал, что его исторический и классовый подход к налогообложению и торговой политике сложился независимо от всякого влияния марксизма. Напротив, Чупров и Иванюков, в 1870-е годы накопившие богатый опыт службы в правительственных структурах, а в 1880–1890-е написавшие наиболее значительные университетские курсы политэкономии, не скрывали влияния, оказанного на них «Капиталом» Маркса. Но, во-первых, они оба не придавали принципиального значения революционным выводам самого Маркса из его историзма (историчность права собственности, эволюция форм крупной промышленности и т.д.). А, во-вторых, до марксизма они оба испытали двоякое влияние Н.Г. Чернышевского: и как защитника общинного землевладения, и как переводчика Джона Стюарта Милля. В результате Чупров и Иванюков стали русскими катедер-социалистами, сохранившими веру в общинный уклад и семейные (т.е. кустарные) формы промышленности наряду с признанием активной роли государства как агента социальных реформ. Это было дополнительным фактором сближения с НМИШ, уделившей большое внимание истории и статистике европейской мелкой промышленности в разнообразии ее форм. Но одновременно Чупров и Иванюков признавали дедуктивный метод английских классиков, опирались на трудовую теорию ценности и присоединялись к Марксову анализу стадий подчинения труда капиталу. В своей вступительной профессорской лекции в Московском университете Чупров отметил, что в каждом из трех

направлений (английская либеральная политэкономия, историческая школа, марксизм) есть своя доля истины, а в своих лекциях по истории политической экономии подчеркивал, как некогда его учитель Бабст, среднее положение исторического направления между экономическим либерализмом и революционным социализмом. Похожую позицию выразил Иванюков в своем учебнике с характерным заглавием «Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений» (1885).

Автором еще одного популярного русского курса политэкономии и также представителем катедер-социализма был несколько более молодой по возрасту А.А. Исаев. Он отводил центральное место учению о «системах», «размерах», «формах» и «размещении» производства, стремясь к соединению историзма в понимании промышленности (ремесло — мануфактура — фабрика) и сельского хозяйства (стадии экстенсивного и интенсивного полеводства) и рассматривая в этом контексте проблему исторических судеб общинного землевладения и кустарной промышленности.

ПОЛЕМИКА О СТАДИЯХ И ТИПАХ КАПИТАЛИЗМА

А.И. Чупров, И.И. Янжул, И.И. Иванюков, связанные личной дружбой, принадлежали к тому же поколению, что и главные идеологи русского экономического народничества и первые русские интерпретаторы формационного подхода — В.П. Воронцов (В.В.) и Н.Ф. Даниельсон (Николай — он). Этот факт важен потому, что проблема историзма в пореформенной российской политэкономии имела два фокуса: этапы экономической эволюции и сходство/ различие путей экономического развития России и Запада.

Народничество, которому русский язык обязан введением в обиход понятия «капитализм», не добившись от самого К. Маркса прямого ответа на вопрос, возможна ли формационная эволюция России в «обход» капитализма³, выработало собственную версию движения страны по «особому пути» на основе унаследованных от исторического прошлого институтов общинного землевладения и кустарных промыслов.

Шумная полемика в самом конце XIX в. между народничеством и, как тогда говорили, «неомарксизмом», по сравнению со спорами западников и славянофилов велась не просто о «самобытности» либо принципиальном сходстве русского пути развития с западным. А более конкретно — о возможности/невозможности миновать конкретные этапы (*стадии*) капиталистической промышленности — мануфактуру и фабрику.

---

3. А лишь оговорки, что выводы «Капитала» ограничены материалом Западной Европы, — вопреки предисловию в самом «Капитале» о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».

Прямым предшественником «неомарксистов» был Н.И. Зибер (1844–1888), а единомышленником – Ф. Энгельс, оставивший в прошлом допущения Маркса по поводу «общинного» шанса возрождения России и говоривший в начале 1890-х годов, что «шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику» (Русанов 1988, с. 72). Зибер, сказавший как-то Михайловскому: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», написал два капитальных труда в обоснование положения о несамобытности российского пути развития. В «Очерках первобытной экономической культуры» (1883), привлекая обширный этнографический материал, Зибер доказывал наличие стадии общинно-коллективного хозяйства у всех народов и неизбежное разложение общины под воздействием прогрессирующего разделения труда. А в книге «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885) – капиталистический характер российских кустарных промыслов как разновидности надомной (рассеянной) мануфактуры. Выделенные Марксом стадии капиталистического способа производства Зибер интерпретировал как необходимую последовательность *естественных фаз*: «Невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику» (Зибер 1959, с. 406).

В дискуссиях 1890-х годов «неомарксисты» – как те, которых впоследствии назвали «легальными марксистами» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков), так и революционные социал-демократы (Г.В. Плеханов, Вл. Ильин и др.), – вслед Зиберу доказывали неизбежность и прогрессивность расслоения русской общины и природу российских кустарных промыслов как рассеянной мануфактуры. Причем и дифференциацию крестьянства на бедноту и меньшинство крепких, приспособленных к товарному производству хозяев (П. Струве), и «интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и земледелии» (Вл. Ильин) «неомарксисты» рассматривали как процесс «роста производительных сил».

Наиболее значительным вкладом в экономическую компаративистику из работ «неомарксистов» следует признать докторскую диссертацию М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика». Она была полемикой не только с экономистами-народниками, но и с либеральным историком П.Н. Милюковым, снискавшим извест-

ность своими работами «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого» (1892) и «Очерки по истории русской культуры» (ч. I, 1896). В них Милюков акцентировал искусственность насаждения «продолжительным и усиленным покровительством» крупной промышленности в России — «стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и покупателей» (Милюков 1896, с. 84).

Туган-Барановский, возражая Милюкову и народникам, указал на своеобразие эволюции крупной и мелкой промышленности в России. В России не сложилось традиции независимого городского ремесла, выпестовавшей на Западе «средний класс» (мелкую буржуазию). Но в Московском царстве было достаточно крупного торгового капитала, не проявлявшего склонности к вложениям в промышленность, где царило примитивное мелкое производство, но под давлением Петра все же ставшего *базисом, на котором основалось крупное производство*, — инициированные имперским государством фабрики и крупные мастерские (Туган-Барановский 1998, с. 86). И именно в этом крупном производстве, а не в старинных доморожденных промыслах, надо видеть истоки русского кустарничества (наиболее впечатляющий пример — хлопчаткачество села Иванова): «фабрики раздробились в кустарную промышленность». Пока фабрика основывалась на ручном и крепостном труде, с ней успешно конкурировала кустарная изба.

Добавим к сказанному Туган-Барановским, что эта эволюция русской промышленности отразилась в языке. Слово «кустарь» произошло от обрусения средненижнемецкого «*kunstener*» — «знарок искусства, ремесла» (Фасмер 2006, с. 432). А знаменитый «Толковый словарь» В.И. Даля приводит характерную фразу, отражающую реальность первой половины XIX в.: «нас кустари одолели, говорят фабриканты». Но с внедрением машин и отменой крепостного права фабричное производство стало вытеснять кустарные промышленные станы.

П. Струве в статье «Научная история нашей крупной промышленности» (1898), резюмируя исследование Туган-Барановским генезиса российского капитализма, ввел понятие *децентрализованного товарного производства* для оценки своеобразия формирования внутреннего рынка в России. Струве считал, что для Запада харак-

терен был процесс роста товарного хозяйства из местных рынков, связывающих городское корпоративное ремесло с сельской округой. А для России — формирование внутреннего рынка на основе оптовых деревенских ремесел, подчиненных действующему на громадной территории торговому капиталу. Искусное и специализированное западноевропейское ремесло технически подготавливало капитализм, но при этом сопротивлялось ему корпоративным правом, ограничивавшим свободу предпринимательства. Российское децентрализованное товарное производство было технически отсталым, но зато свободным от цеховых стеснений предпринимательства: «при крепостном праве полное *laissez faire*, смягченное высоким помещичьим оброком и чиновничьими взятками» (Струве 1903, с. 443).

Вывод о сравнительно-исторических различиях *предпосылок* капитализма на Западе и в России Струве сочетал, однако, с мнением о нивелирующей тенденции *зрелой* капиталистической формы производства в разных странах. В нашумевших «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве предполагал, что «выучка у капитализма» повлечет достаточно быстрое приближение доли земледельческого населения в России (80%) к таковой в США (40%)⁴ и российского сельского хозяйства — к американской фермерско-хуторской системе (Струве 1894, с. 240, 253, 281). Однако специальное исследование западного опыта в работах третьего видного представителя российского «легального марксизма» — С.Н. Булгакова — поставило под сомнение унифицирующую тенденцию капиталистического производства.

С задором включившись в полемику с народничеством книгой «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), Булгаков был согласен со Струве в том, что нищета и бедность «могут быть уврачеваны только капитализмом» и Россия страдает не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития. Монография «Капитализм и земледелие» (2 тт., 1900) была задумана Булгаковым как трактат по сравнительному анализу *аграрной эволюции* главных стран Западной Европы, подтверждающему марксистский закон *концентрации производства*.

---

4. Неправомерность такого уподобления двух стран был отмечена в переписке Ф. Энгельса и Н. Даниельсона.

Однако углубление в проблему привело Булгакова к иным — ревизионистским — выводам:

1. Развитие Англии, вопреки Марксу, не составляет «нормального типа» капитализма. Созданная там самая ранняя форма крупного предприятия была наследием средних веков и результатом насильственной экспроприации крестьянства с превращением мелкого производителя в наемного рабочего, повторившейся отчасти только в Пруссии в первой половине XIX в.

2. Крупное предприятие в сельском хозяйстве не имеет тех технических преимуществ, как в промышленности; «теплицей для крупного земледелия» было «абсолютное» *предкапиталистическое* перенаселение, а с ростом капитализма и «исчезновением свитых крепостным правом гнезд» проявляется тенденция к разложению крупного земледелия в мелкое крестьянское хозяйство.

3. Причина *предкапиталистического* перенаселения — «распрявление пружины» размножения народной массы после отмены крепостного права; раскрепощение сразу увеличивает деторождение и создает, таким образом, абсолютное перенаселение, избыток рабочей силы; сформулированный Марксом закон относительного капиталистического перенаселения Булгаков отрицал, полагая, что самостоятельное значение народонаселения (и перенаселения) как могучего фактора социального развития осталось Марксом непонятым.

Выводы Булгакова по аграрному вопросу, с одной стороны, вливались в течение *аграрного ревизионизма*, получившее на рубеже XIX и XX в. распространение в германской и австрийской социал-демократии, с другой стороны, стали переломными в идейной эволюции этого мыслителя от «легального марксизма» к «христианской философии хозяйства». Уже после поворота «от марксизма к идеализму» Булгаков написал для серии «Религиозно-общественная библиотека» «Краткий очерк политической экономии» (1906), где вернулся к критике универсализации английского опыта капитализма и одновременно выдвинул положения, воспроизводящие аргументы российских сторонников «народного производства». Хотя Булгаков не отказался от своих прежних выводов об исторической необходимости фабрично-заводского капитализма в России и об угнетенном состоянии «пасынков капитализма» — кустарей,

он соглашался теперь с наличием географических факторов живучести кустарничества и с желательностью «соединения промыслов с земледелием» в будущем хозяйственном строе России (Булгаков 1906, с. 79–81). Наконец, Булгаков признал правоту народников в критике российского *бюрократического капитализма*, насаждаемого казенными заказами в отрыве от внутреннего рынка, а также в акценте на важности внешних рынков на начальном этапе национального капиталистического развития.

Соотношение роли внешних и внутреннего рынков Булгаков принял в качестве критерия разных типов капитализма. Первый тип, «не повторившийся» – английский: страна с островным положением, верховенством на морях, доминирующей ролью в мировой торговле и денежном обороте, «односторонним развитием экспортирующей индустрии за счет земледелия». Второй тип – континентально-европейский (Германия и Франция) с гораздо более значительной ролью внутреннего рынка. Третий тип – североамериканский, «колониальный», с наличием большого массива свободных земель, широкими возможностями населения для заведения собственного хозяйства, «прибоем» иммиграции и рабством негров.

Схема Булгакова, кроме эволюции его собственного мировоззрения, отразила влияние на русскую экономическую мысль новых веяний со стороны германской исторической школы в политэкономии. Десятилетие «полемиического вдохновения» и раскола российского «неомарксизма» (1893–1902) совпало с важным поворотным моментом в эволюции германской исторической школы – переходом к *стадиальному анализу*. Трактаты К. Бюхера «Происхождение народного хозяйства» (1893) и В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902) снискали в России широкую популярность и привлекли пристальное внимание как бывших «легальных марксистов»⁵, так и социал-демократов А.А. Богданова и И.И. Степанова, обращавшихся к книгам немецких авторов за материалом при разработке марксистской формационной «политэкономии в широком смысле» (Гловели 2010).

---

5. «В экономической науке давно не было такого праздника, как когда Бюхер опубликовал свои замечательные этюды» (Струве 1903, с. 427).

ЕХ-МАРКСИСТСКИЙ ИСТОРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ: РАСХОДЯЩИЕСЯ ВЕРСИИ

А. Возможность социального прогноза: за и против

П. Струве ретроспективно характеризовал русский марксизм 1890-х как «учение об основном тождестве русского экономического развития с западноевропейским» (Струве 1915). Здесь важно добавить: результатом процесса экономического развития в отдаленной перспективе тогда обеим спорившим сторонам представлялся социализм. Но для приближения к нему в России «неомарксисты» считали необходимым не только аграрный и фабричный капитализм, но и партийную борьбу за *политические свободы*⁶. Различие в предпочтении ее форм — легальных или нелегальных (революционных) — предопределило скорую трещину в неомарксистском лагере, разъедаемую быстро растущей противоположностью партийных и «критических» марксистов. Лидер первых — В. Ульянов — определил вторых как «буржуазных демократов, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму» (Вл. Ильин. За 12 лет. Сб. ст. Т. 1. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. СПб., 1908). На самом деле направлений уже к середине 1900-х стало гораздо больше; вопреки этому в советское

---

6. За отказ от борьбы за политические свободы и «теорию малых дел» с легальным народничеством разорвало также новое поколение революционных народников — эсеры во главе с В. Черновым.

время за П. Струве, С. Булгаковым и М. Туган-Барановским установилось общее определение «легальные марксисты», штампованное после выхода книги большевика Н. Клестова как противоположность «подлинному революционному марксизму» (Ангарский 1925, с. 5). Той же противоположностью, но с обратным знаком, отмечено ретроспективное объединение антисоветским эмигрантским «Новым журналом» указанного трио (правда, заодно не с Н. Бердяевым, а с М. Бернацким) как «исторической школы в русской политэкономии» (Ижболдин 1944).

Оба определения явно тенденциозны и искусственно заужены; из предшествующих разделов видно, насколько широки были рамки «исторической школы» в российской политэкономии; круг «легального» марксизма конца XIX – нач. XX в. также был довольно широк – достаточно назвать толстый журнал «Научное обозрение» с его редактором М.М. Филипповым (1858–1903), автором таких работ, как «Современные русские экономисты», «Социологическое учение Карла Маркса», «Опыт критики “Капитала”», «Психология в политической экономии» и т.д. Наконец, весьма значительно было и расхождение в дальнейшей идейной эволюции двух профессоров и одного академика от политэкономии⁷, чтобы подводить их под общий знаменатель.

Тем не менее, этих «*ex-марксистов*» (Богданов 1906, с. 223) действительно объединяло, во-первых, принципиальное отмежевание от марксизма и, во-вторых, обоснование собственного понимания историзма в экономической науке (весьма отличного от «политэкономии в широком смысле», которую начали развивать А. Богданов и И. Степанов).

М. Туган-Барановский сохранил связь такого обоснования с *социалистическим идеалом* и стремлением к построению социальных и экономических прогнозов, подвергнув при этом критике (мало оригинальной) несбывшиеся прогнозы Маркса и Энгельса по поводу тенденций развития капитализма. Основу для *экономического* прогнозирования Туган-Барановский искал прежде всего в разработке *теории хозяйственной конъюнктуры*,

7. Струве стал единственным академиком по разряду политической экономии статистики в Российской Академии наук (избран весной 1917 г.) – уже не императорской, но еще АН СССР (из которой формально был исключен в 1928 г.).

продолженной его учеником Н. Кондратьевым. Оба нашли плодотворным перенесение в политическую экономию различия стихийно-инерционных *генетических* и сознательно направляемых *телеологических* общественных процессов, введенное американским социологом-позитивистом Л.Ф. Уордом (1841–1915). Еще первокурсником Кондратьев сделал доклад (не сохранившийся) «Телеологические элементы в политической экономии» на студенческом экономическом семинарии Туган-Барановского при юридическом факультете С.-Петербургского университета. По мнению Л.Д. Широкограда, тема была навеяна увлеченностью Туган-Барановского неокантианством (Широкоград 2008, с. 40–41); по моему же предположению, сказалось влияние именно социологии Уорда, тем более, что в это время другой участник семинария, А. Гвирицман, подготовил под руководством Туган-Барановского монографию с критическим осмыслением взглядов Уорда, нацеленным на «социологическую перестройку теоретической экономии»⁸.

Однако и неокантианство, с его формулой «перевода этики Канта на язык эволюционно-исторической теории» (Штаудингер⁹ 1906, с. 10), привлекало Туган-Барановского в контексте социального прогнозирования путей осуществления строя «лучшего будущего». Этот строй Туган-Барановский представлял как дуалистическое сочетание принудительного коллективизма, вытесняющего капитализм силой, и свободных кооперативных союзов, возникающих еще в рамках капиталистического хозяйства (Туган-Барановский 1989, с. 449). Между капитализмом и этим строем Туган-Барановский прогнозировал особый переходный период (похожий на «гарантизм» в утопии Ш. Фурье), когда государство ограничит частную собственность в интересах трудящихся, чтобы обеспечить «общественно-национальный минимум» (Туган-Барановский 1910, с. 3, 6). Зрелые же формы социализма, согласно прогнозам Туган-Барановского, должны

-
8. Недавнее переиздание: *Гвирицман А.И.* Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса. М.: УРСС. 2012. При появлении книга была высоко оценена видным русским социологом Е.В. де Роберти.
  9. Франц Штаудингер (1849–1921) – философ и кооперативный деятель, идеолог «этического социализма».

будут вобрать элементы централистического (государственного), муниципального, синдикального социализма в сочетании с кооперативами и семейно-домашними хозяйствами и мировыми организациями транспорта, связи и контроля над добычей неравномерно распределенного минерального сырья (Туган-Барановский 1996, с. 342–387).

В противоположность Туган-Барановскому С. Булгакова ревизия марксизма и влияние неокантианства (разграничение баденской школой номотетических наук о природе и идиографических наук о духе) привели к принципиальному отрицанию возможности социального прогнозирования на основе экономических законов движения. Тем не менее, христианская «философия хозяйства» Булгакова сохранила в своеобразной версии принцип историзма. Считая, что политическая экономия нуждается в прививке «исторического психологизма, умеющего замечать духовную атмосферу данной эпохи» (Булгаков 1990, с. 187), а каждая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», С. Булгаков истоки современного «экономического человека» выводил из процесса секуляризации христианской морали, пошедшего по двум основным руслам: светскому (гуманизм) и религиозному (реформация). Христианский аскетизм, по мнению Булгакова, в отличие от «мироотречного аскетизма» типа неоплатонического или буддийского, исходит из принципиального приятия мира: «хотя мир искажен грехом и тлением, но он создан для бессмертия, а тело наше предназначено для преобразования и просветления, и воскресшие тела составят вечный храм духа» (Булгаков 1913, с. 116). Поэтому христианский аскетизм, отвергая соблазн денежной наживы, не дает и оправдания безразличному отношению к миру и телу и духовно питает хозяйственную энергию Европы. Булгаков исключительно высоко оценил концепцию лютеранско-кальвинистского «мирского аскетизма» как духовной основы массового капиталистического производства, развитую М. Вебером в знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма». Но оппонент Вебера В. Зомбарт выводил истоки «духа капитализма» из другого — из гедонического «эстетизма», под воздействием гуманизма порывающего с христианской дуалистически-аскетической этикой хозяйства (стимулы к предпринимательству от при-

хотливой роскоши, за которой часто стоит похоть»). По мнению Булгакова, прямолинейное гедоническое истолкование «поднятия личности» как роста материальных потребностей и возможностей их удовлетворения проявилось и в экономическом аморализме Б. Мандевиля и Ад. Смита, и в бентамовском утилитаризме, и в марксистском требовании равномерного распределения материальных благ, и стало «сознательной и бессознательной философией» политической экономии, которая, как «наука об естественной, себе предоставленной и руководимой инстинктом или интересом экономической деятельности человека, хотя и появляется на свет вполне осязательно лишь в 18 веке в системе физиократизма, как ветвь общего дерева «просвещения», духовно зачинается в гуманизме. Здесь же, в гуманистической вере в естественного человека, в неповрежденность его природы, лежат и корни современного социализма, одинаково как системы Фурье, так и Маркса. Новейший социализм можно рассматривать лишь как разновидность гуманизма, как частное приложение или перевод на язык политической экономии его общих учений. И знаменательно, что уже в 16 веке, в расцвет гуманизма, мы имеем и первую социалистическую систему, стоящую вполне на высоте современного социализма, именно «Утопию» Т. Мора» (1913, с. 192).

В собственной «философии хозяйства» Булгаков пришел к отрицанию гедонистической теории прогресса и гедонического истолкования социализма, считая особенно недопустимым, что «страдания одних поколений представляются мостом к счастью для других» (Булгаков 1990, с.284).

Разное понимание прогресса предопределило противоположное отношение Туган-Барановского (положительное) и Булгакова (отрицательное) к социальному прогнозированию на основе изучения хозяйственной эволюции. Но оба, во-первых, признали необходимой для историзма и социализма *этическую* составляющую, во-вторых, акцентировали дуалистичность общественно-экономического процесса («генетика» — «телеология», «аскетизм» — «гедонизм»). В отличие от них, П. Струве поставил в центр внимания гносеологические основания принципа историзма и через их анализ пришел к пересмотру политэкономической анти-тезы «капитализм — социализм».

Б. «Идеальные типы» хозяйства и дуализм «формативных мотивов» экономического мышления

П. Струве унаследовал от И. Иванюкова в Петербургском Политехническом институте первую в России кафедру экономической истории (точное название — *истории хозяйственного быта*) и поставил задачу самоопределения этой дисциплины пересмотром основных категорий политической экономии «в духе последовательного эмпиризма». Последнее вовсе не подразумевало отказа от абстрактно-аналитического метода. Напротив, уйдя от когда-то восторженно принятой им систематики Бюхера, Струве в своей самой крупной (хотя и незавершенной) работе «Хозяйство и цена» (2 т., 1913–1916) оперся на дедуктивные конструкции нового поколения НМИШ — «идеальные типы» М. Вебера и отождествление Зомбартом системообразующего начала капитализма с *хрематистическим мотивом*.

Однако, кроме обобщений, выдвинутых двумя главными фигурами младшего поколения НМИШ, внимание Струве привлек также анализ взаимосвязи европейской философии и политэкономии, проведенный британским историком экономических учений Дж. Бонаром (1852–1941) и находившимся под его влиянием выходцем из австрийской школы К. Прибрамом (1877–1973). В работах Прибрама была предложена новая координатная ось для всей истории западной экономической мысли от схоластики до марксизма и неоклассики с полюсами «реализм» — «номинализм»¹⁰, определившимися впервые в средневековом схоластическом споре об «универсалиях»: «реализм» утверждал *реальность общих понятий* («универсалий»), номинализм считал их простыми «именами». Наконец, Струве не прошел и мимо антитезы «генетического» и

10. Историко-научная концепция К. Прибрама, подытоженная в его объемистом труде «A History of Economic Reasoning» (посм., 1983), рассмотрена в статье И. Чапыгиной (Чапыгина 2004), но без упоминания о влиянии на Струве ранних работ Прибрама «Идея равновесия в ранней теории национальной экономики» (Die Idee des Gleichgewichtes in der alteren nationalökonomischen Theorie // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung, 1908. Bd. 17. Heft 1.) и «Становление индивидуалистической социальной философии» (Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie. Leipzig, 1912).

«телеологического» в социологии Л.Ф. Уорда, но посчитал необходимым скорректировать ее как антитезу «гетерогенического» и «автогенического». Понятие *гетерогении* целей было заимствовано у видного немецкого психолога-философа В. Вундта (1832–1920) и подразумевало, что результаты целенаправленных человеческих усилий неизбежно отличны от заданных намерений; тогда как «автогеническое» начало – волевое решение какого-либо надындивидуального социального субъекта хозяйствования и властвования.

Методология «идеальных типов» М. Вебера была положена Струве в основу классификации «идеальных типов» хозяйства как логических конструкций, которые не претендуют на универсальное соответствие всему историческому разнообразию, но позволяют интерпретировать соотносимую (но не отождествляемую!) с ними эмпирическую действительность (Струве 1913, с. VII).

Возрождение Зомбартом преданной забвению категории «хрематистика» было предпосылкой вывода Струве о тщетности попыток искоренить из экономики *хрематистический мотив*, осуждаемый европейскими мыслителями от Аристотеля до Маркса.

Противопоставление «гетерогенического» и «автогенического» начал выражало «основной дуализм общественно-экономического процесса»: столкновение «автогенического» стремления к рационализации и иррациональной гетерогении целей.

Отражение этого «основного дуализма» в движении экономического знания Струве прослеживал в двух «формативных философских мотивах» экономического мышления – «реализме» и «номинализме» (антитеза Прибрама), подчеркивая, однако, несоответствие и переплетение их с другой дихотомией: «универсализм» – «сингуляризм».

Три «идеальных хозяйственных типа» – это натуральное хозяйство как совокупность рядом стоящих хозяйств (тип I) и два строя междухозяйственных отношений: основанные на автономном общении их (приближение к типу II – *системе* взаимодействующих хозяйств, иррациональной области господства гетерогении целей) и основанные на господстве – подчинении (приближение к типу III – автогеническому обществу-хозяйству, организованному как телеологическое единство коллективной воли, поглощающей автономию хозяйствующих субъектов).

В соответствии с идеальными типами классифицированы на три группы и категории политической экономии:

1) выражающие экономические отношения всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру – *потребность, субъективная ценность, труд*;

2) выражающие междухозяйственные отношения – основной здесь является *цена-ценность*;

3) выражающие отношения социального неравенства – прежде всего категория *капитала*.

Исходной точкой размышлений над экономикой как самостоятельным объектом был «наивный реализм», руководствуясь которым, раннее экономическое мышление искало *вещественно-осязаемое воплощение* «богатства» – в *денежном и торговом балансе* (меркантилисты), *чистом продукте земли* (физиократы). Реалистический уклон мысли сказывается прежде всего в том, что «система психических отношений между людьми, каковою является общество», рассматривается не суммативно, а «как особое живое единство, как существо». Такие понятия, как «богатство», «классы», «совокупный продукт», «ценность», гипостазируются, представляются «универсалиями».

Когда рядом с проблемой создания «богатства» (которая стала перекрещиваться и отчасти сливаться с проблемой происхождения и природы «ценности») выдвинулась проблема распределения этого богатства, возродилось противостояние двух позиций. Номиналистический мотив, связанный с индивидуалистическим эмпиризмом, проник в экономическое знание, а затем в экономическую политику в облачении *экономического либерализма*: «атомизм» («сингуляризм») «экономического человека»; *laissez faire*.

Однако Струве уточнил Прибрама, полагавшего, что либеральный индивидуализм физиократов и классической школы преодолел универсалистическое понимание хозяйственной жизни меркантилистами. Опираясь на понятие *общественных классов* в постановке проблем производства и распределения, Кантильон, Кенэ, Смит, Рикардо отдали дань универсалистическому (реалистическому) мотиву. То же прослеживается и в учении об объективной («внутренней», «трудовой») ценности как основе цены: ценность предстает как универсалия, которая является высшей реальностью

по отношению к цене и определяет последнюю. В противоположность этому универсалистическому пониманию «может выдвигаться совершенно иное «психологическое», «субъективное», «номиналистическое», «сингуляристическое» понимание, для которого нет ценности вне отдельных конкретных актов оценки, объективирующихся в цене». Цена, с этой точки зрения, вытекает из субъективной ценности, а самая ценность понимается не как объективная норма, а как субъективное состояние.

Отразночтений средневековых комментаторов Аристотеля (учение о «справедливой» цене Фомы Аквинского — «субъективная теория ценности» Николая Орезмского) противоположность «сингуляризм»–«универсализм» в понимании ценности проходит вплоть до дальнейшей кристаллизации всей работы экономической мысли вокруг теории объективной трудовой ценности и разрыва психологического направления с этой теорией.

Самая изысканная теория трудовой ценности была построена Марксом; но, по мнению Струве, «столь прославленный так называемый «объективизм» Маркса есть не что иное, как применение к специальной науке политической экономии логически-онтологического реализма Гегеля и — я пойду дальше — схоластиков» (Струве 1913, с. XXVI). И «реалистическая» концепция ценности Маркса тщетно пытается вместить в себя мир эмпирических явлений хозяйственной жизни (там же, с. XXV).

Струве примкнул к критике марксистской теории ценности австрийской школой, но теорию ценности самой австрийской школы не принял, обосновывая собственный «сингуляристический» подход: ценность как производная от эмпирической цены в двух ее антиномичных вариантах: цены *вольной* и цены *указной*.

Основную часть своего анализа цены как «основного понятия политической экономии» Струве посвятил соотношению *указных* и *вольных* цен в истории — от «Эдикта» римского императора Диоклетиана до регулирования кяхтинской торговли России с Китаем, от этнологического материала до практики тарификации и картельных соглашений. Главные выводы «феноменологии цены» таковы: цена — гетерогеническое явление, получающееся в результате столкновения множества человеческих произволов. Социальное (властное, начальственное) регулирование цены сводится к ряду

попыток превратить ее в явление автогеническое; попыток, плохо удававшихся в истории. Цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно оставалась в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивляющимся рациональному социальному построению. Идею полной рационализации цен и управления ими Струве отвергал как явно фантастическую, хотя полагал, что железнодорожные тарифы, картельные соглашения, регулирование заработной платы и т.д. расширяют поле рационального построения цены хотя бы на ограниченных пространствах.

Современные правые либералы склонны изображать Струве теоретиком, пришедшим к строго номиналистическим методам мышления и не свернувшим с западнического пути – в противоположность Туган-Барановскому и особенно Булгакову (Цвайнерт 2007, с. 322, 354). Однако не следует забывать, что, во-первых, кульминацией «национал-европеизма» Струве стало его восхищение великобританским империализмом как явлением «по существу... демократическим и социально-прогрессивным» (!) и примером для великороссийского империализма (Струве 1914). Во-вторых, «эмпирический» и «формативный» историзм Струве привел его вовсе не к «классическому либерализму» (рикардианско-манчестерского или неоавстрийского пошиба), а к воспроизведению на новом уровне тенденции исторического направления российской политэкономии к обоснованию «средней линии».

Обозревая ход развития политэкономии как особой отрасли знания, Струве выводил ее истоки из централизации на развалинах феодального строя, создавшей сильную власть, поставившую идею государственного верховенства на службу хозяйственной жизни. Под воздействием победоносного естествознания XVII в. и просветительской идеи естественного права экономическая мысль в лице физиократов и английских классиков повернула к принципу невмешательства государства в «естественный порядок» вещей, возведя в «естественный закон» моральный идеал экономической свободы. Эта идея вневременного «естественного закона» была, в свою очередь, отринута *натиском историзма* – сен-симонизмом и марксизмом – с привнесением в социальные идеалы идеи *организации*. Социализм Сен-Симона – Маркса есть «идея *организации* общества

коллективной волей, идея полной рационализации общества, всецелого управления общественными функциями. Но эта самая рационализация вдвинута Марксом в поток стихийного органического развития: она не над этим развитием, а в нем. Разумное само стало исторической категорией» (Струве 1913, с. 56).

Превращение разумного в историческую категорию создает антиномию: марксизм «может исторически оправдать всякое преобразование», но и сталкивается со столь же оправданным скепсисом по отношению к социализму. К такому скепсису пришел и сам Струве, отождествивший социалистический идеал безденежного хозяйства с идеальным типом общества-хозяйства, организованного как телеологическое единство коллективной воли, поглощающей автономию хозяйствующих субъектов (исторический прецедент — государство иезуитов в Парагвае).

Внутренне присущий общественно-экономическому процессу *основной дуализм* автогенических и гетерогенических явлений был схвачен Марксом в учении о товарном фетишизме. Но Маркс, по мнению Струве, ошибочно приписал исторически переходящий характер этой имманентной черте общественно-экономического процесса.

«Средняя линия» Струве заключалась в обосновании невозможности рационализировать общественно-экономический процесс ни велением какого-нибудь субъекта власти, ни на основе свободной игры рыночных сил (по принципу *laissez faire*). В стремлении преодолеть две крайности: *историзм схем*, с предположением, что черты одного хозяйственного уклада исключают черты другого, и либеральный *антиисторизм*, резюмировавший «естественного человека» распространением на прошлое психологической мотивации современных цивилизованных людей.

Из невозможности рационализации общественно-экономического процесса на основе свободной игры рыночных сил Струве выводил необходимость активной экономической роли государства, придавая особо важное значение денежной политике. Однако он не продвинулся дальше абстрактных рассуждений типа: в денежном обращении сочетаются гетерогеническое и автогеническое начало; в денежной политике заключается проблема рационального овладения сложным переплетом явлений с важной ролью гетерогени-

ческого элемента; государство не бессильно, но и не всемогуще по отношению к деньгам; секрет силы и действенности управления денежным обращением заключается в реальной экономической власти государства, в ясном понимании и соблюдении границ этой власти (Струве 1913, с. 321).

Тем не менее, должно отметить, что анализ Струве социалистической идеологии как разновидности «реализма» в противоположность «номинализму» гораздо более обстоятелен, чем аналогичное противопоставление, сделанное несколько лет спустя от того же отправного пункта – монографии К. Прибрама «Становление индивидуалистической социальной философии» – Л. фон Мизесом в знаменитой книге «Социализм» (Мизес 1994, с. 47)¹¹.

---

11. В более поздней неолберальной традиции, атаковавшей наследие Сен-Симона и Маркса («Контрреволюция науки» фон Хайека; «Нищета историзма» Поппера), «реализм» в смысле схоластического концептуализма как критическая мишень замещается категорией «эссенциализм».

И.М. КУЛИШЕР: СРАВНЕНИЕ СТАДИЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

Влияние младшей НМИШ на *«ex-марксистов»* и на революционных марксистов А. Богданова и И. Степанова — пример рецепции идей исторической школы в концепциях, выходящих за ее рамки. Петербургский экономист И.М. Кулишер (1878–1933), стажировавшийся в Берлине у Г. Шмоллера и в Вене у австрийского последователя НМИШ К.Т. Инама-Штернега (1843–1908), снискавший в 1920-е годы международное признание (оставшееся на Западе и позднее¹²), был прямым представителем исторической школы. Он не был связан с «неомарксизмом» конца XIX в. и внес существенные коррективы в Марксову оценку «исторической тенденции капиталистического накопления», но поддержал логическое выделение Марксом особой мануфактурной стадии капитализма и впервые осуществил развернутое сопоставление мануфактурного периода во всех крупнейших европейских странах. Оно позволило сделать вывод, что в закономерностях экономической эволюции России и Западной Европы больше общего, нежели противоположного. Категоричные обобщения А. Корсака и П. Милюкова о «несчастных мерах» Петра I по искусственному насаждению в России мануфактур с опорой на принудительный труд и привлечение иностранцев не учитывали сходных явлений в Западной Европе.

---

12. Известны высокие оценки работ Кулишера лидерами французской школы «Анналов» (Бродель 19, с. 9).

Кулишер показал, что, во-первых, принудительный труд играл огромную роль не только в русских посессионных и вотчинных, но и в первых западноевропейских мануфактурах, которые — при отсутствии крепостного права — создавались в тюрьмах, приютах и т.п. местах как исправительные «рабочие дома» (Кулишер 1908, с. 132–134).

Во-вторых, приглашение иностранцев с предоставлением им привилегий было общим правилом для введения новых отраслей. Даже Англия началом своего промышленного лидерства была обязана голландцам и фламандцам, получавшим патенты от короны и внедрявшим производство шерстяных тканей, ярких красок¹³, мыла, селитры, оконного стекла, проволоки, часов с маятником и мн. др. (Кулишер 2004, т. 2, с. 105). Французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами, прусская — гугенотами.

Многочисленные факты инновационного вклада иммигрантов (особенно нидерландских и французских протестантов) в мануфактурную промышленность разных стран Европы интересны в связи с современной проблематикой роли *диаспор* в мировой экономике, по словам Кулишера, — «растекания промышленных элементов населения».

Наконец, Кулишер, отражая общую для исторической школы переоценку меркантилизма, настаивал на пересмотре отрицательных вердиктов государственному вмешательству в промышленность («кольбертизм») как в России, так и в крупнейших континентальных странах Европы.

Кулишер указал на значение в формировании национальных хозяйств тесной связи мануфактурной промышленности — не только централизованной, но и кустарной — с военными нуждами государства. Появление с XVI в. больших европейских армий вызвало расширенный по сравнению с городским ремеслом спрос, но с гарантированным потребителем — государством; а тем самым — массовое производство и новую организацию снабжения, направляемую поставщиками-скупщиками. Отличительными особенно-

13. Один из самых выдающихся изобретателей XVII в. (подводная лодка, микроскоп и др.) голландец Корнелиус Дреббель, придворный механик первых Стюартов, был оценен за изготовление новой алой краски для сукон.

стями производства для потребностей армии были однородность вырабатываемых изделий и необходимость скорой доставки их большого количества. Поэтому рядом с производством вооружения и снаряжения развивались не только крупные предприятия, стимулировавшие прогресс металлургии и станкостроения, но и массовое надомное производство форменной одежды, парусины и т.д., ставшее основной формой мануфактурной промышленности даже в рамках французского кольбертизма (Кулишер 2007, с. 87).

Недолговечность же многих субсидированных государством предприятий, по мнению Кулишера, не означала безрезультатности усилий по стимулированию промышленного роста, который следовал с интервалом в несколько десятилетий от меркантилистского правительственного почина. Без петровских реформ не было бы подъема горнозаводских и обрабатывающих отраслей, ставшего технической основой русского великодержавия при Екатерине II, — отвечал Кулишер на вопрос известной полемичной статьи Е.В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?» (1910).

Глашатай *экономической истории* как отдельной науки, Кулишер считал ее производной от *социального вопроса* и отверг методологический индивидуализм австрийской школы, но не принцип шкалирования потребностей; признал плодотворным введение А. Маршаллом категории *потребительского излишка* — разницы между наивысшей ценой, за которую согласился бы уплатить потребитель, и значительно более низкой действительной ценой.

В книге «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли» (2 т., 1906 и 1908), взяв отправным пунктом восходящую к Рощеру грубую схему смены ведущей роли факторов производства¹⁴, Кулишер пришел к такой четырехфазисной схеме эволюции прибыли:

- 1) период возникновения прибыли из насильственного захвата имущества;
- 2) период извлечения прибыли из дохода потребителя, являющегося слабой стороной на рынке;

14. «Прогресс экономической культуры обнаруживается в преобладании второго фактора производства — труда — над первым — природой — и в преобладании капитала над природой и трудом» (Кулишер 1904, с. 120).

3) период эксплуатации труда рабочего нанимателем, на стороне которого сначала стоит и государство;

4) период прибыли, когда ее основным источником становится творческий труд изобретателя.

В древности и в средние века, по мнению Кулишера, цены поступавших в оборот международной торговли предметов определялись высшим пределом платежеспособности покупателя, готового платить по максимуму, и приносили монопольную прибыль купцам-посредникам, не имевшим конкурентов в сношениях между Востоком и Западом. Аналогичный монопольный механизм действовал и при установлении цен на продукцию цехового ремесла. Для более позднего периода XVI–XVIII вв., когда усилилась конкуренция между поставщиками восточных товаров и развилось мануфактурное производство, Кулишер считал справедливой трудовую теорию ценности. «Та прибыль, которую раньше уплачивал потребитель, исчезла... труд стал не только источником, но и мерилom ценности; предметы обменивались на рынке не в зависимости от силы того или другого монопольного производителя, а в соответствии с воплощенным в них количеством труда» (Кулишер 1906, с. 151, 398, 643). Но производители фабрикатов извлекали прибыль из эксплуатации наемных, особенно надомных, рабочих, пользуясь поддержкой правительственной власти, таксировавшей заработную плату.

Однако ошибкой теории прибавочной ценности Маркса Кулишер считал сведение меновой ценности к количеству затраченного в производстве физического *исполнительного труда* и упущение из виду творческого изобретательского труда как источника промышленной прибыли (там же, с. 201, 203). Вплоть до конца XVIII в. почти исключительно преобладал первый вид труда, а затруднительность сообщений доставляла каждой стране фактическую монополию на внутреннем рынке. Но в канун XIX в. и на его протяжении оба указанных обстоятельства коренным образом изменились: роль творческого труда изобретателя стала возрастать сравнительно с ролью физического, или, точнее, исполнительного труда рабочего, а инициатива в развитии народного хозяйства перешла к путям сообщения (паровым и затем электрифицированным). Железные дороги, пароходство и телеграф разомкнули народное хозяйство и преопределили резкую перемену в формах торговли.

Железные дороги и пароходство, владычество биржи и свободная конкуренция на мировом рынке создавали невиданное прежде выгодное положение потребителя, а производителя заставили сильно сокращать цены, так что последние упали «ниже трудовой ценности» (?) товаров, часть которой стала поступать безвозмездно в руки потребителя (Кулишер 1908, с. 12).

И потребитель, и предприниматель стали в XIX в. извлекать выгоду из добавочного продукта, получаемого благодаря усовершенствованиям в производстве, созданным творческим трудом изобретателя, и исполнению технических задач рабочими. Причем для последней трети века Кулишер считал характерным «постепенное исчезновение» прибыли, извлекаемой из труда рабочего, — в силу возросшей роли рабочих организаций, отстаивавших интересы наемного труда (сокращение рабочего дня, коллективные договоры, повышение заработной платы и т.д.). Он соглашался с выводом еще одного представителя НМИШ Г. Шульце-Геверница (1864–1943), что добавочный продукт крупной промышленности конца XIX в. — результат усилившейся производительности творческого труда, «умственной работы предыдущих поколений, тысячи мыслей и попыток, воплощенных в машинах» (цит. по: Кулишер 1908, с. 275). Хотя Кулишер не отрицал и противоположной тенденции к усилению «потогонной» эксплуатации физического труда.

Н.П. ОГАНОВСКИЙ: СРАВНЕНИЕ СТАДИЙ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

Указывая на то, что экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия не могла не иметь экономического фундамента, Е.В. Тарле считал «стереотипную фразу о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России» перенесением на XVIII в. ситуации XIX в., когда Россия в самом деле не поспела за ускорившимся темпом экономического развития сначала в Англии, потом отчасти во Франции и т.д. (Тарле 1910, с. 27). Современник Е.В. Тарле и И.М. Кулишера, идеолог обновленного народничества Н.П. Огановский также считал помехой правильному взгляду на историческое развитие форм хозяйства перенесение на них опыта XIX в. Но Огановский ставил вопрос более широко, критикуя историко-хозяйственную систематику К. Бюхера за односторонний подход, «замазывающий» своеобразие хозяйственной жизни прошлых эпох и аграрных стран «яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX веке» (Огановский 1911, с. 540). В полемике с исторической школой и с марксизмом, а также с позитивистским эволюционизмом, Огановский разработал оригинальную теорию аграрной эволюции, ставшую наиболее масштабным вкладом российской общественной мысли в экономическую компаративистику.

Взгляды Огановского сформировались во время обследования им в начале XX в. крестьянской общины по земским переписям 250 уездов 30 российских губерний. Собранный материал

показал ошибочность расхожих мнений как противников, так и сторонников общинного землевладения; первые абсолютизировали тормозящее влияние общины на аграрные технологии; вторые были неправы в том, что община препятствует расслоению крестьян. Сделанный вывод, что прогресс сельского хозяйства не задан формами земельной собственности, а связан с глубже лежащими особенностями уплотнения населения и развития аграрных технологий, определил направление исследований Огановского, подытоженных в главном труде «Закономерность аграрной эволюции» (3 т., 1909–1914).

Уточнение, что его поиск «руководящего начала» в истории аграрных отношений ограничен странами *умеренного климатического* пояса, дает основание отнести Огановского к крупнейшим представителям российской *геополитической* экономики. Сам он выступал от имени *сельскохозяйственной* экономики, критикуя школы *политической* экономики — классическую, историческую и марксистскую. Однако сформировавшаяся в XIX в. в Германии и России школа сельскохозяйственной экономики была ориентирована на крупное частнопредпринимательское земледелие «прусского» типа. Лишь в начале XX в. наметился поворот российской сельскохозяйственной экономики к теории мелкого — но кооперативно объединенного — крестьянского хозяйства. Сказались воздействие земского народничества и примеры успехов, достигнутых крестьянским хозяйством в странах континентальной Европы (Италии, Франции, Германии и особенно Дании) благодаря различным формам кооперации и вопреки мировому аграрному кризису 1874–1895 гг.

Н.П. Огановский вслед за идейным лидером земского и университетского народничества А.И. Чупровым стремился выявить различия социальных последствий эволюции сельского хозяйства и промышленности, обусловленные технико-организационными особенностями. Он считал марксистскую схему обобществления труда целиком верной в технико-производственном (*концентрация* разнородных механизированных приемов на мануфактурах и фабриках), но лишь отчасти — в классовом отношении. Процесс концентрации капитала не был результатом дифференциации класса ремесленников: классы капиталистов и пролетариев образовались

не внутри этого небольшого по численности класса, «а *над* ним и *под* ним» (Огановский 1909, с. 150). Дальнейшее накопление капитала в индустрии представляет собой «*одностороннюю подвигку вверх*»: увеличение социального расстояния между господствующим и рабочим классом при медленном и неровном повышении благосостояния последнего (относительное, но не абсолютное ухудшение положения пролетариата).

Для сельскохозяйственных же предприятий Огановский считал закономерной тенденцию к средним размерам и к интеграции (а не дифференциации) трудовых операций, но эта тенденция осложнена историческим наследием и земельной колонизацией. Критикуя однофакторную «меновую концепцию» экономического прогресса, выдвинутую германской исторической школой, Огановский построил свою многофакторную теорию экономического прогресса. Ее ключевыми положениями стали:

- критерий *равновесия* между количеством населения и количеством жизненных средств, доставляемых сельским хозяйством;
- несовпадение эволюции *техничко-производственных* форм с эволюцией *распределения* средств производства, на которую влияют политические и психологические факторы.

Суммируя накопленный сельскохозяйственной экономией XIX в. опыт классификации *систем земледелия* по ступеням *интенсивности*, Огановский определил *три* главных *фазы* эволюции сельскохозяйственного производства – 1) *доземледельческую*, 2) *экстенсивного* земледелия и 3) *интенсивного* земледелия, интегрированного с животноводством.

Доземледельческая фаза – потребление даровых благ природы в лесных (охота, бортничество, речное рыболовство) и степных (тебеневочное кочевое скотоводство) районах. Фаза экстенсивного земледелия проходит два основных периода: 1) *подвижной подсечно-переложной системы* и 2) *оседлого трехполья* с чередованием участков под озимые и яровые злаки и пар. Именно *паровое трехполье* с *консервативным восстановлением плодородия* почвы составило многовековой базис феодального строя Европы с крепостным правом. При незначительности пара как естественного регу-

лятора плодородия земля истощалась и вынуждала к расширению площади пашни за счет пастбищных угодий для скота — к *нарушению равновесия между земледелием и скотоводством*. Равновесие между почти не растущим количеством продовольственных средств, доставляемых трехпольем, и количеством населения поддерживалось в силу высокой смертности из-за войн, усобиц, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых крепостной зависимостью.

Раскрепощение, по мнению Огановского, вызвало резкий прирост народонаселения, который выбил трехполье из многовековой колеи. Пока не был найден путь к интенсификации сельского хозяйства, голодовки провоцировали аграрные возмущения и революции (в середине XVII в. — Англия; в конце XVIII в. — Франция; в середине XIX в. — Германия; в начале XX в. — Россия). Интенсификация заключается в исчезновении пара и изменении структуры посевов: к преобладавшим почти исключительно в экстенсивных системах злакам прибавляются кормовые травы, корнеклубнеплоды, бобовые, масличные. Плодородие почвы восстанавливается преимущественно искусственным путем — усиленным удобрением. При отсутствии паров и выгонов кормовые травы вместе с отбросами корнеплодов обеспечивают скоту пищу на круглый год; скот запирается в стойла, и начинается эра его качественного улучшения — мясистой, молочности и т.д. Таким образом, при интенсивном — *многопольно-травяном и плодосменном* — земледелии восстанавливается и обеспеченное обилием кормов скотоводство, в свою очередь, содействующее росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Выводы.

1. Одна фаза аграрной эволюции вырастает в другую и вытесняет ее постепенно.

2. Мальтузианский «закон убывающего плодородия» сказывается только тогда, когда не произошла назревшая замена наличной системы полеводства, достигшей своих пределов.

3. Эволюция сельского хозяйства (в отличие от промышленности) сопровождается не упрощением, а *усложнением* приемов (севообороты, обработка, уход за растениями и животными, внесение удобрений).

На эволюцию *систем полеводства* накладываются особенности эволюции *распределения* земли, обусловленные политическими и психологическими факторами.

Становление феодальных отношений с крупным помещичьим хозяйством, притянутым к монастырским стенам и феодальным замкам, происходило одновременно с переходом населения от подвижной переложной системы к оседлому трехполью; потребность монархов в подвижном классе профессиональных воинов диктовала привлечение на службу раздачи земель; образовалась лестница власти над землей и над сидящим на ней трудовым населением, которому вменялось в обязанность «кормление» военно-служилого класса, становившегося и классом крупных землевладельцев.

Сельская община первоначально, по мнению Огановского, складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а политический фактор обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших слоях, «утесненная» община выработала уравнильно-передельный механизм, и крестьянское землепользование застыло на много веков в подворно-чересполосной форме. Общинные леса и выгоны постепенно сокращались в силу, с одной стороны, расширения пашни под трехполье, с другой стороны — захватного землевладения феодалов. С развитием городов и оживлением торговли, особенно международной, феодальные землевладельцы из «пожирателей ренты», часто не очень значительной, стали отчасти превращаться в предпринимателей; этому способствовала реорганизация военного дела с заменой ставших ненужными рыцарей ландскнехтами (наемниками). Исчезновение политического феодализма и формирование абсолютизма с превращением дворянства в придворную знать сопровождалось развитием нового коммерциализированного типа крупнопоместного хозяйства — в форме английского лендлордизма со сносом крестьян земли ради разведения овец для экспорта шерсти или восточноевропейского магнатства с отягощением крестьян барщиной ради наращивания экспорта зерна.

Особенности эволюции земледелия после начала европейской индустриализации мы считаем уместным свести в таблицу, где слева воспроизведены выводы Огановского, а справа — некоторые дополнения к ним из истории экономических учений.

Дворяне кое-что сделали для перехода к интенсивным системам земледелия, особенно в Англии.	Тот самый «норфолкский» образец севооборота для всей Европы, который описывал в своем «Курсе» А.К. Шторх.
Но в целом крупнопоместное хозяйство, обогащая своих владельцев, усугубляло трудности населения, связанные с исчерпанием экстенсивного земледелия. Еще в начале XIX в. под паром оставалось около трети пашни во Франции и в Германии; значительные площади были отведены под охотничьи парки и т.п.	В Германии, где сложился свой вариант многопольно-плодосменного земледелия, его внедрение, как и в Англии, стало поводом для экспроприации земли у крестьян. Крупное частновладельческое («юнкерское») хозяйство «прусского типа» дало начало сельскохозяйственной экономии (А. Тэер, И.Г. Тюнен).
Прекращение давления политических факторов в пользу крупного нетрудового хозяйства и переход борьбы между неравномерными формами землеустройства в чисто экономическую плоскость упрочили тенденцию «стягивания к середине».	С.Н. Булгаков эмоционально приветствовал продажу прусских юнкерских владений «взраздобрью» вследствие того, что они не могли удерживать рабочей силы после экспансии дешевого заокеанского хлеба и стали проигрывать крестьянскому хозяйству.
В течение XIX столетия урожайность в Европе повысилась в среднем в 2–2,5 раза (после почти 1000-летнего колебания вокруг одного и того же уровня); исчезли резкие подъемы и падения урожая, зависимость от капризов климата и страх голодовок.	Рост урожайности стал следствием внедрения травосеяния, плодосмена, минеральных туков (Чупров 1907, с. 80). По урожайности пшеницы с единицы площади Россия в нач. XX в. уступала странам Европы минимум в 2,5 раза (Дании – в 4) (Озеров 1909, с. 6).
<i>Демократизация</i> парламентарного законодательства в Западной Европе – разрешение с.-х. союзов; завоевание крестьянством при помощи <i>кооперации</i> денежного капитала и кредита, доступного ранее только крупным владельцам, благоприятствуют реализации преимуществ среднеразмерных крестьянских хозяйств.	Законы о синдикатах во Франции (1884) и о товариществах в Германии (1889) содействовали росту в этих странах с.-х. кооперации, развивавшейся также в Англии, Италии и особенно Дании, которую в России рассматривали как страну «мелких фермеров», «крестьянских товариществ» и образец для подражания.

Если во всей Европе к началу XX в. утвердилось интенсивное многопольно-плодосменное земледелие, то в России продолжало господствовать «выбалтывающее землю» трехполье¹⁵. В объяснение этого Огановский на первый план выдвинул два фактора: давление внешнего рынка (доминирование зерновых в экспорте) и обширная внутренняя колонизация, делавшая возможной «попятную» эволюцию к преобладанию экстенсивного земледелия.

Выделяя вслед за В.О. Ключевским 5 периодов русской истории как истории *колонизации*, Огановский конкретизировал эти периоды по типам полеводства и распределения земель (Огановский 1909, с. 24–25). В киевский период (1) экстенсивное переложное земледелие постепенно вращалось преимущественно

15. За исключением западных – остзейских и привислинских – губерний (Карышев 1894).

лесопромышленное хозяйство, служившее основным источником первоначального накопления *движимых* капиталов в руках господствующих классов; в верхневолжский период (2) богатство стало определяться преимущественно *земельным захватом*; в московский период (3) произошло окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев, трехполье вытесняло перелог и экстенсивное земледелие распространялось на захваченные территории Поволжья и Прикамья; в имперско-дворянский период (4) крупное товарное помещичье хозяйство использовало возможности нового крымско-новороссийского колонизационного пояса; в предреволюционный период (5) трехполье окончательно исчерпало себя в великороссийском центре («перепаханность» угодий, «оскудение»), но колонизация продвинулась в новый пояс — на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории в сфере сельскохозяйственного производства и распределения выразилась в том, что *простор* колонизируемых земель растянул на дополнительные периоды три фазы аграрной эволюции. Колонизационный размах, разреживая население и создавая вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для экстенсивных форм вплоть до возвращения к залежи, консервировал трехполье.

В том же направлении действовал и фактор внешнего рынка — наращивание экспорта зерновых. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. В районах Черноморско-Каспийского кольца — Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — посевные площади в конце XIX — начале XX в. быстро росли и давали с каждой десятины в 2-3 больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет ускоренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентацией на мощное расширение внешнего сбыта. Небывалый нигде в Европе засев более 90% площадей одними зерновыми культурами все более усугублял неравновесие между земледелием и животноводством, отбирая у скотоводства не только ячмень, но и ценные концентрированные корма (жмыхи). Одновременно далеко зашло несоответствие между

отсталой системой земледелия и быстрым ростом населения за полвека после отмены крепостного права (Огановский 1914, с. 13).

Исправление сложившейся ситуации Огановский связывал с демократизацией политической жизни России; сельскохозяйственной помощью населению для превращения в систему тех «обрывков» интенсивного земледелия, к которым подталкивает крестьян уплотнение населения; «оборудованием транспортного дела» правительством и изменением внешнеторговой политики для структуры экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства.

В определении насущных задач аграрно-экономической мысли — составление «*организационного плана крестьянского хозяйства*» и организация сбыто-снабженческой кооперации для борьбы с паразитарным посредничеством хищнического торгового капитала — Огановский был един с экономистами-кооператорами организационно-производственной школы, вместе с ними работал в Лиге аграрных реформ, вместе с А.В. Чаяновым редактировал «Статистический справочник по аграрному вопросу» (1917). Обоснованную позднее Чаяновым концепцию некапиталистической вертикальной концентрации сельского хозяйства («кооперативной коллективизации») можно рассматривать как конкретизацию вывода Огановского о том, что в собственно сельском хозяйстве средние предприятия обладают преимуществами в интенсивности и выгодности; но техническая *переработка* сельскохозяйственной продукции и *элементы обмена* (кредит, сбыт, покупка) подчинены закономерностям концентрации. Но, как и Чаянов, Огановский рассчитывал, что концентрации в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях можно придать не крупнокапиталистическую, а кооперативную форму.

Политическая деятельность Огановского как энеса и эсера, члена Предпарламента и Учредительного собрания привела к остроконфликтным отношениям с советской властью, за которыми последовало примирение и десятилетие (вплоть до пресловутого процесса ТКП) деятельности Огановского как «спеца»-профессора, читавшего первый в Московском университете курс экономической географии. В послереволюционных работах — наиболее отчетливо в книге «Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке» (1924) —

Огановский дополнил свою концепцию экономического прогресса включением в нее категории *устойчивого развития производительных сил*. Ее можно считать предвосхищением концепции перехода к самоподдерживающемуся (*sustainable*) экономическому росту, выдвинутой в рамках теорий модернизации во 2-й половине XX в. (Нуреев 2008, с. 41–46).

Огановский показал, что интенсификация земледелия на основе многопольно-плодосменных севооборотов, начавшаяся в Нидерландах и Англии и охватившая к концу XIX в. всю Западную Европу, не только восстановила утраченное при трехполье равновесие (соразмерность) между земледелием и животноводством, но стала необходимой *агротехнологической предпосылкой* индустриализации и перехода к поступательному расширенному воспроизводству. Многополье обеспечило продукты для откорма скота (кормовые травы, бобовые, турнепс, свекловичный жом) и для продажи в качестве промышленного сырья (свекла и картофель). Скот благодаря увеличению количества кормов стал объектом селекции (50-пудовые свиньи, высокоудойные коровы и проч.) и источником товарной мясомолочной продукции для растущего промышленного населения городов. Город с его индустриальными предприятиями принимал избыточное сельское население и, предъявляя растущий спрос на продукцию плодосменного земледелия, давал необходимые для интенсификации усовершенствованные с.-х. машины, искусственные удобрения, развития транспортно-складскую сеть, кредит и т.д. Чередование посевных культур прекратило «выбалтывание» земли, а применение минеральных туков повысило ее плодородие; в свою очередь, обеспеченное обилием кормов скотоводство содействовало росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Но описанный механизм *прямых и обратных рыночных связей* как *внутри* сельского хозяйства, так и *между* его главными секторами и городской промышленности не мог сложиться в России, где удерживалось господство трехполья. Зачинатели российских экономико-географических и экономико-геополитических концепций В.П. Семенов-Тян-Шанский (Семенов-Тян-Шанский 1928, гл. XVIII) и П.Н. Савицкий отмечали невозникновение интенсивного земледелия в России и «неизбывное трехполье» (Савицкий

1997, с. 336) на ее территории как важнейшее цивилизационное отличие от Западной Европы.

Формационный подход марксизма полностью проигнорировал выясненное Огановским всемирно-историческое значение агротехнологических изменений в Западной Европе, обеспечивших процесс связанного роста интенсивного сельского хозяйства, «рыночности» и индустрии – и отрыв западной индустриальной цивилизации от остального мира. Эти изменения были отмечены представителями исторической школы за пределами Германии (англичанин Т. Роджерс, француз П. Манту, И. Кулишер), но их подход был чисто фактографическим. Опираясь на работы историков-экономистов, А. Маршалл в приложении к своим «Principles of Economics» возводил истоки экономического лидерства Англии не только к завоеванию первенства в океанической торговле, но и к «сельскохозяйственной революции»: повсеместное использование турнепса и клевера (т.е. многопольно-плодосменных севооборотов) и систематическое улучшение пород мясомолочного скота благодаря «гению» селекционера Р. Бэйкуелла (Маршалл 2007, с. 696).

На наш взгляд, концепция Огановского в методологическом отношении является вершиной исторического направления в политэкономии. Она нашла подтверждение в двух крупных достижениях конца XX в. – разработке С.В. Онищукон концепции «преодоления компенсационного барьера для увеличения доли несельскохозяйственного населения» (Онищук 1995) и обоснования Л.В. Миловым природы крепостного права и общины на Великой русской равнине как «компенсационных механизмов выживания» (Милов 1998). Онищук, не зная о своем предшественнике, углубил во всемирно-историческом контексте предложенную Огановским аграрную типологию по критерию степени *интеграции* (дезинтеграции) *земледелия с животноводством*. Милов, поставивший в центр своего исследования *судьбы паровой системы земледелия* и сделавший вывод, что жители Великой русской равнины были резко ограничены в возможностях интенсификации агропроизводства, уделил внимание и наступлению пашни на пастбище (включая ковыльные степи) как причине недоразвития продуктивного скотоводства в России.

Хотя Огановский преувеличивал преимущества «средне-размерных» хозяйств и значимость оборотного капитала в сельском

хозяйстве, правильность указанного им критерия агротехнологического прогресса – переход от экстенсивных систем к интенсивным формам, *интегрирующим* обработку земли и животноводство, – подтвердила «вторая аграрная эволюция» XX в. (Ван дер Вее 1994, с. 71–72).

Наконец, концепция Огановского представляет большой интерес в свете перспектив развития – особенно применительно к России – мир-системного анализа, наиболее мощного современного направления сравнительных историко-экономических исследований. Теоретики МСА уделяют главное внимание проблемам торговой, промышленной и финансовой гегемонии. Вместе с тем они отмечают, что одним из главных преимуществ стран европейского северо-западного «ядра» в возникшей капиталистической мир-системе было достижение *разнообразия сельскохозяйственной специализации* (Валлерстайн 2001, с. 37). А «сползание в периферию» Российской империи, вошедшей в мир-систему «при шпаге» полупериферийной великой державой (Валлерстайн 1996, с. 38), проявлялось в наращивании *одностороннего зернового* экспорта (Кагарлицкий 2004, с. 301). Но, как следует из работ Огановского, разнообразие западноевропейского «ядра» и однобокость российской сползающей «полупериферии» в сельском хозяйстве были результатом интенсификации земледелия и интеграции с животноводством в первом случае и неравновесия экстенсивной «несчастной трехполки» с «горемычным» животноводством во втором случае.

ЛИТЕРАТУРА

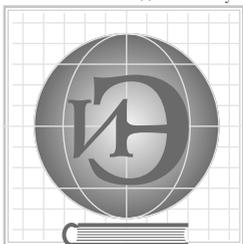
- Ангарский (Клестов) Н.С.* Легальный марксизм. М.: Недра, 1925.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
- Бланки Ж.А.* История политической экономии в Европе. Пер. с 4 франц. изд. П.А.Бибикова. Т. II. СПб., 1869.
- Богданов А.А.* Из психологии общества. СПб.: Электронпечатня т-ва «Дело», 1906.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
- Булгаков С.Н.* Капитализм и земледелие. Т. 1–2. М. : Тип. и лит. В.А.Тиханова, 1900.
- Булгаков С.Н.* Краткий очерк политической экономии. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1906.
- Булгаков С.Н.* Очерки истории экономических учений. Вып. I. Кн. склад «Путь», 1913.
- Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. Т.1. Пб.: Изд. Е.И.В. канцелярии, 47.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2100 // Свободная мысль. 1996. № 5.
- Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994.
- Гловели Г.Д.* Политэкономика в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. 2010. № 9.
- Даниельсон Н.Ф.* Письма К. Марксу и Ф. Энгельсу // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967.

- Довнар-Запольский М.В.* История русского народного хозяйства. Т. 1. Курс лекций, читанных в Коммерческом институте. Киев, 1911.
- Зибер Н.И.* Избранные социально-экономические произведения. Т. 1. М.: Соцэргиз, 1959.
- Ижболдин Б.С.* П.Б.Струве как экономист // Новый журнал. New York. 1944. № 9.
- Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004.
- Карышев Н.А.* Земледелие (экон.). Системы хозяйства // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 23. СПб., 1894.
- Клейнборг Л.Н.* Встречи. М.И. Туган-Барановский // Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Под ред. Л.Д. Широкограда, А.Л. Дмитриева. СПб.: Нестор-история, 2008.
- Корсак А.К.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: тип. Грачева, 1861.
- Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004.
- Кулишер И.М.* Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия // Анналы экономической и социальной истории. М.: ИД «Территория будущего», 2007.
- Кулишер И.М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. СПб.: Типолит. А.Г. Розена, 1906.
- Кулишер И.М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб.: Типолит. А.Г. Розена, 1908.
- Маршалл А.* Основы экономической науки. (Антология экономической мысли). М.: ЭКСМО. 2007.
- Мизес Л фон.* Социализм. М.: КатаПаху, 1994.
- Милов А.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб.: Мир божий, 1896.
- Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.

- Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909.
- Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов: Сотрудничество, 1911.
- Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России. М.: Задруга, 1914.
- Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М.: Изд-во ВСНХ, 1924.
- Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки. М.: Наука, 1988.
- Озеров И.Х.* Атлас диаграмм по экономическим вопросам. Вып. VIII. Россия в мировой семье. М.: И.Д.Сытин, 1909.
- Онищук С.В.* Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса. М.: ИФВА РАН, 1995.
- Русанов Н.С.* Мое знакомство с Энгельсом // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Т. 2. М.: Политиздат, 1988.
- Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928.
- Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. ОРЯС. Т. 88. № 2. СПб., 1910.
- Струве П.Б.* Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1894.
- Струве П.Б.* Маркс // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 25. СПб., 1915.
- Струве П.Б.* На разные темы. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902.
- Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Ч. 1. СПб. — М.: Изд-во бр. Рябушинских, 1913.
- Струве П.Б.* Чемберлэн (некролог) // Русская мысль. 1914. № 2.
- Тарле Е.В.* Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной // Русская мысль. 1910. № 5.
- Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1998.
- Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996.

- Туган-Барановский М.И. Общественно-экономические воззрения Н.Г. Чернышевского // Труды И.В.Э.О., 1910. № 1.
- Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Астрель АСТ, 2006.
- Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805–1905. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
- Чаплыгина И.Г. Взгляды К. Прибрама на историю экономической мысли // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.
- Чуров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб.: Изд. Г.Ф. Львовича, 1907.
- Широкорад Л.Д. М.И.Туган-Барановский в Санкт-Петербурге // Неизвестный М.И. Туган-Барановский. Под ред. Л.Д. Широкограда, А.Л. Дмитриева. СПб.: Нестор-история, 2008.
- Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М., 1902.
- Штаудингер Ф. Социализм и философия Канта. М.: Свободная мысль, 1906.
- Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: ИД «Экономическая газета», 2008.
- Cameron R. A Concise Economic History of the World. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1997.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Г.Д. Гловели

**Историзм в российской политической экономике:
рецепции и новации**

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка – *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 03.12.2014 г.

Заказ № 62. Тираж 300. Объем 2,8 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0496-8

9 785994 004968